

Элизабет Вернер

ЭГОИСТ

Элизабет Вернер

Эгоист

Аннотация

«Был ясный и солнечный весенний полдень. Воскресный покой, обычно не замечаемый в сумятице большого города, особенно ощущался на вилле, расположившейся рядом с многочисленными городскими домами. Огромный ее сад, вернее, парк, тянулся до самого побережья. Это была одна из тех великолепных вилл, на которых любят жить именитые горожане, стремящиеся укрыться от городского шума и при этом не тратить слишком много времени на поездки в город...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	13
Глава III	23
Глава IV	29
Глава V	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эльза Вернер

Эгоист

Глава I

Был ясный и солнечный весенний полдень. Воскресный покой, обычно не замечаемый в сумятице большого города, особенно ощущался на вилле, расположившейся рядом с многочисленными городскими домами. Огромный ее сад, вернее, парк, тянулся до самого побережья. Это была одна из тех великолепных вилл, на которых любят жить именитые горожане, стремящиеся укрыться от городского шума и при этом не тратить слишком много времени на поездки в город.

В гостиной виллы, стеклянные двери которой выходили на садовую террасу, мужчина и молодая девушка вели оживленную и, по-видимому, серьезную беседу. Щеки девушки покраснелись от волнения, и, казалось, она с трудом удерживала набегавшие на глаза слезы. Мужчина же выглядел абсолютно спокойным. Средних лет, но уже совершенно седой, с холодным лицом, он явно производил впечатление делового человека. Сдержанность не покидала его ни на мгновение даже при самом возбужденном разговоре; вся его манера говорить, без сколько-нибудь теплого выражения, была чисто деловой.

– Действительно, Джесси, – произнес он, – мне уже надоело постоянно слышать от тебя одни и те же возражения. Еще бы! В качестве опекуна и родственника я принял на себя заботу о твоём будущем и думал, что то, которое я рассчитываю создать тебе, должно тебя вполне устраивать. Увы, ты другого мнения! Ну, скажи мне, пожалуйста, почему твоя глупенькая, романтическая девичья головка никак не хочет понять, что необходимо для твоего счастья.

Обладательница этой «глупенькой, романтической головки» была довольно хорошенькой. Не наделенная классической красотой, молодая девушка – блондинка с нежными, но очень выразительными чертами и голубыми, слегка мечтательными глазами – таила в себе бездну очарования. Но в этот момент на ее юном личике отражалось страстное волнение, отчетливо проявившееся в ее дрожащем голосе, когда она ответила:

– Моему счастью? Нет, дядя, то, что ты называешь этим словом, слишком далеко от всего того, что я раньше называла своим счастьем!

– Не можешь ли ты по крайней мере сказать мне, какое же именно туманное и фантастическое понятие связываешь ты с этим словом? – саркастически спросил Зандов. – Счастье – это блестящее положение в большом свете, это надежная рука мужа, который в любых обстоятельствах сможет стать опорой. И все это ты можешь найти в человеке...

– Которого я даже не знаю! – перебила Джесси.

– Но узнаешь в самое ближайшее время. Да, собственно, мой брат вовсе и не чужой тебе, хотя ты его никогда не видела. Если судить по портрету, лучшей внешности нечего и желать, а кроме того, ты сама призналась мне, что не испытываешь никакой другой сердечной привязанности. Почему же ты так упорно противишься браку, на который Густав тотчас же согласился?

– Вот именно потому, что он согласился столь быстро! Я не могу и не хочу доверить свое будущее человеку, который, ни на мгновение не задумываясь, готов бросить избранную самим же профессию, блестяще начатую карьеру и отказаться от своего отечества и родного народа лишь потому, что перед ним открывается возможность сделать выгодную партию.

– Ну, опять эти экстравагантные взгляды, внушенные тебе современным воспитанием! – пожал плечами Зандов. – Ты и без того довольно склонна к сентиментальности! «Любовь! Избранная профессия! Блестящая карьера!» Ты, кажется, слишком высокого мнения о карьере журналиста. Знаешь, милая, произведения Густава будут пользоваться большим успехом, а газеты добиваться его сотрудничества лишь до тех пор, пока продержатся интерес к ним публики и нынешняя политическая обстановка. Но как только, рано или поздно, все это кончится, так и конец его карьере. Здесь же, в Америке, ему выпадает возможность стать независимым, богатым, обрести завидное положение хозяина и главы большого

торгового дома. Он был бы более чем глуп, если бы отказался от этого ради своих передовиц в газетах.

– Ну, это – дело вкуса! Впрочем, уверяю тебя, дядя, мне было бы совершенно безразлично, кого бы ты ни выбрал себе в компаньоны, если бы ты не пожелал вовлечь меня в круг своих деловых интересов.

– Да ведь я же это делаю ради тебя! Ты, конечно, знаешь, что твой покойный отец больше всего хотел, чтобы твоё состояние осталось в нашем торговом доме. Он всегда надеялся на то, что когда-нибудь его место займет зять – твой муж. К сожалению, он не дожил до этого.

– Да, не дожил, – тихо сказала Джесси, – но ведь он не хотел принуждать меня к выбору мужа, как это делаешь теперь ты!

– Господи, как ты преувеличиваешь! Да я вовсе и не думаю принуждать тебя, а лишь настаиваю на том, чтобы ты прислушалась к голосу рассудка и не отказывалась от этого брака лишь потому, что он не соответствует твоим романтическим идеалам. Тебе уже девятнадцать лет и пора подумать о замужестве. Идеальных браков – таких, о котором ты мечтаешь, попросту не существует. Для каждого, кто добивается твоей руки, главную роль играет твоё состояние. Время идеальной, лишённой материальных интересов любви давно прошло, и если тот или иной мужчина разыгрывает перед тобой подобную комедию, то с одной целью – получше распорядиться в дальнейшем твоим состоянием. Тебе необхо-

димому заранее усвоить это, чтобы неизбежное разочарование не слишком сильно ранило тебя впоследствии.

Невероятное бессердечие заключалось в том железном спокойствии, с каким Зандов изложил все это своей племяннице, разрушив ее иллюзии, обнажив чисто меркантильную сторону того, что, как ей казалось, должно совершаться на небесах.

Губы Джесси болезненно дрогнули при этом жестоком заявлении. Непреложная уверенность Зандова в своей правоте не оставляла сомнения в его искренности. Ведь она уже испытала, что значит представлять собой так называемую выгодную партию, когда все мужчины, с которыми ей приходилось сталкиваться, откровенно проявляли корысть и расчет. И этот опекун ее видел и ценил в ней лишь богатую наследницу, а это было горчайшей мыслью для молодого существа с сердцем, страстно жаждущим счастья и любви!

– Здесь же тебе нечего опасаться, – продолжал Зандов, принявший молчание девушки за знак согласия. – Этот брак одинаково выгоден обоим. Густав вместе с тобой приобретает состояние и высокое положение в здешнем торговом мире, ты же останешься участницей в деле своего отца, а также обретаешь уверенность в том, что твой капитал, находясь в распоряжении мужа, будет расти. Все дело настолько ясно и просто, что я решительно не понимаю твоего сопротивления, тем более, что ты всегда интересовалась Густавом, с восторгом читала его статьи.

– Да, потому что я верила тому, кто писал их, потому что не представляла, что весь его пылкий патриотизм, его восхищение прекрасным, великим – всего лишь фразы, которые со спокойной совестью отбрасываются, как только на сцену выступают расчет и выгода.

– Ах, литераторам самой судьбой предначертано сыпать красивыми фразами, – небрежно заметил Зандов. – Это уже нечто профессиональное. Было бы неплохо, если бы они каждое свое слово подкрепляли делом. Густав писал так, как этого требовали его положение и общественное мнение, а теперь действует так, как требует разум. Если бы он поступал иначе, то вообще не подходил бы мне в компаньоны. Ну, а теперь покончим с этим спором. Я не настаиваю на том, чтобы ты приняла решение сегодня или завтра, но все-таки надеюсь на твое согласие.

– Никогда! – вспыхнув, воскликнула Джесси. – Принадлежать человеку, который видит во мне лишь один из пунктов делового договора! Стать женой эгоиста, который ради своих материальных интересов приносит в жертву все то, что дорого другому? Нет, нет, никогда!

Зандов не обратил никакого внимания на ее страстный протест. Будь это его дочь, он просто-напросто заставил бы ее подчиниться своей воле, но он слишком хорошо знал силу своей опекунской власти, чтобы прибегнуть и здесь к принуждению. Однако он знал и то, что его авторитет, непрекаемый для Джесси и вызывавший в ней даже какой-то

страх, был своего рода средством принуждения, и решил использовать его.

– Пока мы подождем с этим, – сказал он, вставая. – Я еду на вокзал и собираюсь через час представить тебе своего брата. Ты прежде всего познакомишься с ним, а остальное само уладится. До свидания!

Он вышел из комнаты, и тотчас же вслед за этим послышались звуки отъезжающего экипажа.

Джесси осталась одна. Теперь, когда она чувствовала себя вне власти холодных, строгих глаз дяди, у нее вырвались долго сдерживаемые слезы. Девушка не принадлежала к энергичным натурам, способным противопоставить свою волю чужой. В ее слезах проявилась вся мягкость характера, привыкшего подчиняться чужому авторитету и почувствовавшего свое бессилие при первой же попытке противостоять ему. А это действительно была первая в жизни Джесси попытка. Она жила в идеальных условиях, под нежной охраной родителей, первое горе пришло к ней, когда умерла ее мать, а через два года после этого – и отец. Согласно завещанию, опекуном осиротевшей Джесси был назначен Зандов, давнишний друг и компаньон почившего.

Трудно было бы найти другого человека, который лучше бы распорядился состоянием девушки, но она так и не смогла сердечно привязаться к дяде, хотя и знала его с детства. Близкий родственник ее матери, он так же, как и она, был родом из Германии. Более двадцати лет тому назад он почти

без всяких средств прибыл в Америку и поступил на службу в компанию, принадлежавшую отцу Джесси. Рассказывали, что несчастья и горькие разочарования заставили его покинуть Европу, но как обстояло все в действительности, Джесси так и не узнала, тем более, что и ее родители были, по видимому, мало осведомлены об этом, а сам Франц Зандов никогда не затрагивал этой темы.

Вначале – и то лишь благодаря родственным отношениям – ему дали маленькое место в конторе, но он развернул такую кипучую деятельность, проявил такую широту взглядов и энергию, что весьма скоро его повысили по службе. Когда же угрожавший делам скандал был избегнут исключительно благодаря его своевременному умелому вмешательству, он был сделан участником торгового предприятия, и под его руководством оно стало развиваться совсем иначе. Целый ряд смелых и удачных операций превратил скромную прежде фирму в первую в городе, и Зандов сумел так использовать завоеванное этими успехами положение, что стал почти единственным распорядителем, собственно, хозяином дела, к голосу которого прислушивались в первую очередь.

Так в сравнительно короткое время Зандов стал богатым человеком. Поскольку он оставался холостяком, то, как и прежде, продолжал жить в доме своих родственников; но, несмотря на эту долголетнюю совместную жизнь и общность интересов, между ними не сложилось сердечных отношений. Холодный, резкий характер Франца Зандова исключал на-

стоящее сближение. Он вообще не признавал ничего, кроме деловых интересов, кроме неустанной работы ради них, никогда не давал себе покоя, не отдыхал в кругу семьи, да, по-видимому, и не нуждался в этом. Отец Джесси ничего не имел против того, что его компаньон принял на себя основную часть забот и работы; сам он был более склонен к наслаждению жизнью, к приятному пребыванию в семейном кругу. Благодаря такой негласной договоренности, между компаньонами сложились наилучшие отношения, хотя, правда, они больше основывались на взаимной необходимости, чем на дружбе.

Со смертью отца Джесси руководство делом и распоряжение состоянием юной наследницы сосредоточились в руках одного Зандова, но скоро он настолько расширил свои опекунские права на Джесси, что решил распоряжаться всем ее будущим. С тем же беззастенчивым эгоизмом, какой проявлялся во всех его предприятиях, Зандов создал план брака между Джесси и своим братом и был не только поражен, но даже возмущен, когда этот план, полностью поддержанный братом, натолкнулся на резкое сопротивление девушки. Однако Зандов не придавал никакого значения ее протесту и был твердо убежден, что Джесси, до сих пор никогда не проявлявшая склонности к самостоятельным действиям, и тут подчинится его воле.

Глава II

Час, необходимый для поездки на вокзал и обратно, еще не истек, а к вилле уже возвратился экипаж, и тотчас вслед за тем в гостиную, где находилась Джесси, вошел ее дядя с гостем.

Зандов, видимо, нисколько не был взволнован свиданием с братом, с которым не виделся в течение долгих лет: черты его лица были так же неподвижны, а тон так же холоден, как обычно, когда он представил друг другу «господина Густава Зандова» и «мисс Джесси Клиффорд».

Гость приблизился с вежливым поклоном к юной хозяйке дома:

– Могу ли я надеяться на дружественный прием у вас, мисс Клиффорд? Правда, я здесь совсем чужой, но привез вам привет из той страны, где родилась ваша матушка. Пусть же это будет моей рекомендацией.

Все это произносилось не только вежливо, но и тепло, почти сердечно. Джесси удивленно взглянула на гостя, но его испытующий, пронизывающий взгляд тотчас же охладил ее, напомнив об истинной причине этого знакомства. И она с холодной учтивостью ответила:

– Надеюсь, мистер Зандов, ваш переезд по океану был благополучен?

– Великолепен! Океан удивительно спокоен, поездка

чрезвычайно приятна, да и во время всего пути по суше до здешнего города стояла прекраснейшая погода.

– Вероятно, поэтому-то ты и добирался сюда так долго? – вмешался в разговор Франц Зандов. – Ты исколесил Америку вдоль и поперек, как настоящий турист; мы ожидали тебя уже две недели тому назад.

– Но ведь нужно же узнать страну и народ! – возразил Густав. – А разве мне следовало приехать раньше?

– Вовсе нет! Я совершенно не против того, что ты останавливался в крупных городах. Всегда полезно завязать личные отношения с теми, с кем мы ведем дела. У меня, к сожалению, не хватает времени на это, но ведь я снабдил тебя достаточными рекомендациями... Что там? Дешеша?

Последние слова были обращены к лакею, который вошел в комнату с только что полученной телеграммой в руках.

Пока Густав и Джесси обменивались обычными светскими любезностями, Зандов-старший прочел депешу, а затем обратился к ним обоим:

– Я должен покинуть вас на полчаса. Нужно срочно решить один деловой вопрос.

– Сегодня? В воскресенье? – удивился Густав. – Разве ты и в такой день не даешь себе отдыха?

– Да на что он мне? Ведь так можно упустить что-нибудь важное. По воскресеньям, когда наши конторы закрыты, я обычно приказываю направлять сюда дела, не терпящие отлагательства. Ты ведь, Густав, кажется, посетил фир-

му «Дженкинс и Компания» в Нью-Йорке? Эта телеграмма от них. Потом я еще поговорю с тобой об этом, а пока оставлю тебя в обществе Джесси. До свидания!

Зандов сложил депешу и вышел. Брат посмотрел ему вслед с крайним изумлением.

– Однако здесь не балуют родственной любовью! – сухо заметил он, обращаясь к Джесси.

– Но ведь вы же должны хоть немного знать своего брата! – возразила она, так как уже давно привыкла к тому, что у ее опекуна дело всегда стояло на первом месте.

– Да, это верно, но все же в Европе он был несколько внимательнее. Мне казалось, я вправе рассчитывать на то, что хотя бы первый час нашей встречи мы проведем вместе.

– Вы, наверное, устали от путешествия? – сменила тему Джесси, стремясь избежать этой и неожиданной, и нежелательной беседы с глазу на глаз. – Ваши комнаты приготовлены; если вы, может быть, желаете...

– Благодарю вас! Я нисколько не устал и, в сущности, имею полное основание быть благодарным господам «Дженкинс и Компания» за то, что они своей депешей доставили мне удовольствие побыть с вами, – Густав, пододвинув себе кресло, сел против Джесси.

Однако ни веселый, непринужденный тон гостя, ни его привлекательная внешность не могли победить холодную сдержанность девушки. Ее не удивило то обстоятельство, что гость оказался значительно моложе ее опекуна, – она знала,

что Густав родился от второго брака своего отца. Действительно, старший Зандов начал уже вторую половину жизни, тогда как его брат едва лишь разменял третий десяток. Его внешность вполне соответствовала тому портрету, который висел в комнате Зандова-старшего. У него была сильная, мужественная фигура, приятное, интеллигентное лицо, темные волосы и блестящие карие глаза, красивые и выразительные. Но именно эти глаза не понравились Джесси, так как она инстинктивно чувствовала, что должна подвергнуться их оценке. Внимательный взгляд Густава, так поразивший ее в первый момент знакомства, не отрывался от ее лица. Очевидно, Зандов-младший решил исследовать теперь «первый пункт делового разговора», олицетворяемый Джесси, и этого было вполне достаточно для того, чтобы возбудить в ней неприязнь к нему.

– К сожалению, я совершенно не знаком с вашей родиной, – начал беседу Густав. – Я неопытный европеец, словно с неба свалился в Новый Свет и позволяю себе надеяться на то, что вы любезно поможете мне хотя бы немного ориентироваться в этой новой для меня стране.

– Вы рассчитываете на мою помощь? Мне кажется, ваш брат и лучше, и более точно сориентирует вас, чем я.

– Без сомнения, если речь пойдет о делах, но во всем остальном Франц кажется мне неприступным человеком. А ведь есть и множество других обстоятельств, с которыми я хотел бы между делом познакомиться.

«Между делом»! Ну да, конечно, так же «между делом» должен состояться и брак, союз на всю жизнь, который другим людям обычно представляется как нечто высшее и самое святое! «Неопытный европеец», видимо, вполне разделяет точку зрения своего американского брата и подобные вопросы относит к «другим» обстоятельствам.

– По всей вероятности, вас привели сюда исключительно дела? – не без иронии спросила Джесси. – Насколько я знаю, вы предполагаете начать работать в нашей фирме?

– Совершенно верно! Мой брат поставил мне это обязательным условием.

– Условием? Разве вы не были абсолютно независимым, мистер Зандов? Ах да, я и забыла! По всей вероятности, дело касается наследства моего опекуна?

Укол не остался незамеченным – это стало видно по внезапной вспышке темных глаз Густава, однако он ничем не выдал себя, а спокойно и непринужденно ответил:

– Совершенно верно, дело идет о наследстве. Я действительно рисковал бы им в случае отказа. Мой брат мог бы завещать все свое имущество какому-либо благотворительному учреждению, если бы я не подчинился его воле.

Джесси не знала, изумляться ей или возмущаться той откровенности, с которой этот человек признался, что прибыл сюда исключительно ради денег. И это он говорил ей, девушке, рука и состояние которой тоже предназначались ему! Возмущение взяло верх в Джесси, и она воскликнула:

– А я и не знала до сих пор, что в Германии люди так расчетливы!

– Да, слава Богу, наконец-то и мы стали практичны! – невозмутимо заметил Густав. – Для этого понадобилось немало времени, но теперь мы делаем большие успехи. А вы, кажется, осуждаете это, мисс Клиффорд?

– Нет, но я знала с совершенно другой стороны ту страну, где родилась моя мать, страну, которую она научила меня любить как свое второе отечество.

– Конечно, с идеальной стороны. Не стану отрицать, что и эта сторона еще существует. Но в общем у нас решительно рвут с идеалами. Осталось совсем немного тех, кто еще продолжает быть их поклонниками.

– Вот именно поэтому-то эти немногие и должны были бы крепче сплотиться вокруг знамени, которому грозит опасность, и пожертвовать своей кровью и жизнью для его спасения.

Эта фраза прозвучала несколько необычно из уст юной девушки, но, очевидно, была понята Густавом. Его глаза вновь вспыхнули, но на сей раз с нескрываемым удивлением.

– Ах, какая любезность! Цитата из моей статьи! Значит, вы знакомы с моими произведениями?

– Ведь вы сотрудничаете в одной из крупнейших газет, – холодно промолвила Джесси, – а ее всегда читали в моем родном доме. Но вот именно потому, что я знала вашу статью, меня поражает то обстоятельство, что вы так скоро и

так решительно могли порвать все связи с родиной.

– Вы имеете в виду мой контракт с газетой? – произнес Густав. – Да, правда, он доставил мне немало затруднений, но в конце концов там подчинились моему желанию. Будет ли одним журналистом в Германии больше или меньше – отнюдь неважно, и мое перо уже давно замещено другим, быть может, лучшим.

Джесси сжала губы. Ее необыкновенно раздражала эта нарочитая непонятливость гостя, а еще более возмущало его непрестанно продолжавшееся наблюдение за ней. Последнее, правда, не имело в себе ничего навязчивого и прикрывалось оживленной беседой. Тем не менее у Джесси было такое ощущение, словно Густав Зандов буквально-таки исследовал ее характер, и, теряя обычную сдержанность, она начинала все более горячиться.

– А я, находясь на родине, не предполагал, что имею по ту сторону океана такую внимательную читательницу, – продолжал Густав со светской любезностью, – но так как на мою долю выпало столь лестное отличие, то я желал бы выслушать и вашу критику. Ранее вы заметили, что любите мою родину как свое второе отечество, и это позволяет мне надеяться на то, что я встречу у вас симпатию ко всему, что защищаю своим пером.

– Но ведь вы отказались от профессии журналиста ради другой, более выгодной! – кинула ему Джесси.

– Да, я уступил силе обстоятельств. Об этом судят не со-

всем одобрительно, но, быть может, писатель найдет в ваших глазах больше милости, чем участник торгового дома «Клиффорд и Компания».

– Во всяком случае я удивляюсь той легкости, с которой один превращается в другого! – возразила девушка, окинув своего собеседника уничтожающим взглядом.

Однако Густав, по-видимому, не собирался так легко сдаваться. Он спокойно выдержал этот взгляд, и в его ответе даже прозвучал легкий юмор, что еще больше взорвало Джесси.

– Как я вижу, критическая оценка не в мою пользу, – произнес он, – но при таких условиях я тем более должен знать ее. Будьте любезны, мисс Клиффорд, не скрывайте своего мнения обо мне! Я настаиваю на том, чтобы услышать свой приговор.

– Самый откровенный?

– Да, без всяких стеснений!

– Ну так слушайте, мистер Зандов! Сознаюсь вам, что все выходявшее из-под вашего пера я читала с полнейшей симпатией до того момента, когда вы приняли предложение своего брата. Я не допускала такого! Я думала, что человек, столь ярко выступающий на защиту своего отечества, как это делали вы, столь энергично борющийся за его права, столь громко зовущий других к познанию своего долга, должен оставаться у своего знамени, в верности которому он раз присягнул, и не смел покинуть его лишь ради выгоды.

Я не могла предположить, что перо, начертавшее столь восторженные фразы, в будущем станет записывать лишь цифры да цифры, что бесстрашный борец добровольно сложит оружие и сойдет со своего почетного пути, чтобы занять место за конторским столом! Я сомневалась в этом до момента вашего прибытия сюда, и тот факт, что я вынуждена была поверить этому, является горчайшим разочарованием моей жизни!

Как ни была возбуждена Джесси, она все же чувствовала, что оскорбляет сидящего перед ней человека, но это ее сейчас вовсе не волновало. Она видела в Густаве Зандове лишь своего противника, навязанного ей искателя ее руки, которого она во что бы то ни стало хотела устранить. Пусть он с первого же часа почувствует, как глубоко презирает она и его лично, и его эгоизм! По крайней мере тогда не останется никакого сомнения в том, как она расценивает его брачные планы, и таким образом она оградит себя от этого сватовства.

Однако Густав, похоже, был очень нечувствительным к оскорблениям; он оставался по-прежнему спокойным и свободным в обращении.

– Мисс Клиффорд, вы – дочь купца и одного из владельцев большого торгового дома, а между тем, по-видимому, испытываете не особенное почтение к цифрам и конторскому столу, – заметил он, как ни в чем не бывало. – Мой брат был бы возмущен этим, я же... я чувствую себя бесконечно по-

льщенным тем, что мое скромное перо сумело завоевать такой интерес у вас. Что касается огорчения, то я не теряю надежды на то, что мне в конце концов удастся изменить ваше мнение о моей деятельности за конторским столом в лучшую сторону.

Джесси ничего не ответила, она совсем растерялась от такого умения превратить оскорбление в комплимент и от той спокойной улыбки, с какой это было сказано. К счастью, отворилась дверь и вошел ее дядя-опекун.

– Я отправил телеграммы и теперь снова в вашем распоряжении, – сказал он. – Мы скоро пойдем обедать?

Девушка быстро поднялась.

– Я еще не распорядилась относительно обеда, но сейчас скажу, – сказала она и поспешно, словно обращаясь в бегство от нового члена семьи, вышла, впрочем, кинув на него перед этим полный возмущения взгляд.

Глава III

– Ну, как тебе нравится Джесси? – спросил Зандов старший брата, когда они остались одни. – Чего ты добился?

– Чего я добился? Но помилуй, Франк, не можешь же ты требовать, чтобы я в первый же день знакомства сделал ей предложение руки и сердца!

– Но, по крайней мере, ты мог начать это дело!

– О, начато оно превосходно, – уверенно произнес Густав. – Мы уже успели поссориться.

Зандов, усевшийся возле брата, удивленно взглянул на него; он явно не верил услышанному.

– Поссориться? Что это значит? Неужели это и есть начало твоего сватовства?

– Отчего бы и нет? Во всяком случае это далеко не равнодушие, его-то мне нечего опасаться со стороны мисс Клиффорд. Она резко настроена против меня и прямо мне в лицо назвала изменой родине то обстоятельство, что я последовал твоему приглашению.

– Да, у девочки голова полна романтических бредней, – раздраженно сказал Зандов-старший, – и в этом виновато мечтательно-сентиментальное воспитание, которое дала ей мать. Клиффорда невозможно было заставить противостоять этому, несмотря на то, что он всегда обладал достаточной долей здравого смысла. Он боготворил свою единствен-

ную дочь и находил все в ней красивым и положительным. Тебе еще придется побороться с ее экспансивностью, когда Джесси станет твоей женой.

Густав с полуиронической улыбкой заметил:

– Неужели ты твердо уверен в том, что так именно случится? Пока, похоже, у меня самые блестящие надежды на полный отказ.

– Глупые девичьи фантазии, и больше ничего! Джесси просто вбила себе в голову, что браку обязательно должен предшествовать любовный роман. Однако, несмотря на все, тебе, – при этом Зандов окинул взором видную фигуру брата, – не будет слишком трудно завоевать ее симпатию, а в остальном поможет мой авторитет. Джесси слишком несамостоятельна для того, чтобы в конце концов не покориться.

– Ну, я вовсе не почувствовал этой несамостоятельности, – сухо возразил Густав. – Мисс Клиффорд достаточно энергично сделала мне лестное признание в том, что знакомство со мной является тягчайшим огорчением в ее жизни.

– Это она сказала тебе? – нахмутив лоб, спросил его Зандов.

– Дословно и притом с возмущением и презрением. В ней так своеобразно сочетаются девичья сдержанность и чисто американская самостоятельность. У нас на родине молодая девушка вряд ли прочла бы такую нотацию постороннему человеку в первый же час знакомства!

– О, нет, нет! Джесси – вся насквозь истая немка! Она

точная копия своей матери и не унаследовала ни одной черточки отца. Но оставим пока это и перейдем к главному. Я не сомневался в том, что ты примешь мое предложение, но мне приятно, что это случилось так быстро и без отговорок: это доказывает, что, несмотря на все свои идеалистические статьи, ты сохранил ясный, хладнокровный ум, умеющий считать, а это – как раз то, что здесь необходимо. Джесси во всех отношениях блестящая партия, такая, какую при других обстоятельствах ты вряд ли сделал бы. Для меня здесь важнее всего, чтобы весьма значительное состояние Клиффорда осталось в деле. Таким образом, наши интересы совпадают и, надеюсь, мы останемся довольны друг другом.

– Я тоже надеюсь на это, – спокойно ответил Густав.

Вероятно, сугубо деловое отношение его брата к предполагаемому союзу так же мало удивляло его, как и оскорбительный отзыв о его статьях.

– Значит, все остается так, как мы договорились в письме, – продолжал Зандов-старший. – Пока ты вступишь в дело в качестве волонтера, то есть ученика, чтобы хоть немножко ознакомиться со своей новой профессией. Это вовсе несложно для человека, такого образованного и интеллигентного, как ты. Все остальное – дело опыта и времени. Как только будет официально объявлена твоя помолвка с Джесси, ты станешь компаньоном фирмы. Поэтому не тяни слишком долго со своим объяснением. Джесси – богатая наследница, лакомый кусочек, за ней увиваются многие, а уже в следующем

году она станет совершеннолетней. Кроме того, я как раз теперь подумываю о новом большом предприятии и должен быть уверен в том, что могу неограниченно располагать всем оборотным капиталом.

– И ради этого я и мисс Клиффорд должны вступить в брак друг с другом? – добавил Густав. – Видно, ты привык пользоваться обстоятельствами независимо от того, идет ли речь о долларах или людях!

В его словах чувствовалась скрытая насмешка. Однако Франц Зандов не обратил на это внимания, и в его ответе прозвучало то самое холодное равнодушие, которое он выказал ранее в беседе с Джесси:

– С людьми нужно считаться так же, как с цифрами, в этом тайна успеха. Во всяком случае у тебя есть полное основание быть благодарным сложившимся обстоятельствам – ведь, кроме всех выгод этого брака, они создают тебе еще виды на мое состояние. Ты ведь знаешь, что у меня, кроме тебя, нет никаких наследников или родственников.

– Никаких? Это – правда? – спросил Густав с особенным подчеркиванием, пристально взглянув на брата.

– Нет! – удивительно сухо ответил тот.

– Так, значит, у тебя изменились взгляды? А я думал, что теперь, после стольких лет, у тебя найдется местечко для другой точки зрения и что наконец твоя...

– Молчи, – вспыхнул Франц Зандов, – не называй этого слова! Прошлое для меня не существует... не должно суще-

ствовать. Я похоронил его в тот момент, когда покинул Европу.

– И всякое воспоминание о нем!

– Да, и воспоминание! И я не желаю, чтобы другие когда-либо напоминали мне о прошлом! Ты не раз делал попытки к этому в своих письмах, и я думаю, что моего уклонения от ответа было достаточно. К чему же ты опять возвращаешься к этому? Неужели ты хочешь помучить меня! Или, – тут Франц окинул брата угрожающим, пронизывающим взглядом, – здесь кроется какая-то иная причина?

– Почему бы и нет? – слегка пожал плечами Густав. – Я спросил лишь из собственного интереса и думаю, что тебе он понятен, раз мы коснулись вопроса о наследстве.

– Конечно! Я вижу ты стал удивительно практичен! Тем лучше для тебя, по крайней мере, не придется учиться этому, как пришлось мне. Немало денег стоило мне учение.

Густав вдруг стал серьезен и, положив руку на плечо брата, произнес:

– Да, видимо, это учение стоило тебе немало! Ведь оно сделало тебя совсем другим человеком! Я не нахожу теперь в тебе ни одной черточки того, каким ты был в Европе.

– Ну, и слава Богу! – горько засмеялся Франц. – Теперь не осталось ничего от того мягкосердечного глупца, который желал добра всему миру, верил всем и каждому и в конце концов вынужден был расплачиваться за это, как за преступление. Кому, как мне, слепое доверие к людям стоило чести,

счастья и всего благополучия, тот стремится распорядиться жизнью по-иному. Но теперь ни слова о прошлом! Оставим его в покое!

– Мисс Клиффорд просит, – доложил лакей, открывая дверь с соседнюю комнату.

Братья поднялись. Этот перерыв при этом направлении, который принял разговор, видимо, пришелся обоим как нельзя более кстати.

Они вошли в соседнюю столовую, где Джесси уже ожидала их.

Густав в следующую же минуту вернул себе прежнее расположение духа; он подошел к девушке и протянул ей руку, как будто между ними решительно ничего не произошло.

– Мисс Клиффорд, – произнес он, – имею честь представиться вам в качестве волонтера торгового дома «Клиффорд и Компания». С настоящего момента я позволю себе смотреть на вас как на моего второго патрона и почтительно поручаю себя вашему благоволению.

Нисколько не смущаясь суровой миной своего «второго патрона», он взял руку, в которой Джесси не могла отказать ему, и повел ее к столу.

Глава IV

Торговый дом «Клиффорд и Компания» принадлежал к числу крупнейших в городе. Многочисленный персонал служащих контор и других отделений, просторные помещения, а также царившее там деловое оживление – все это свидетельствовало о большом значении этого предприятия, хозяин которого занимал очень высокое положение в местном деловом мире.

Густав Зандов, который в будущем должен был разделять это положение, а пока довольствоваться скромным местом волонтера-ученика, приступил к своей новой работе, но не проявлял особого восхищения ею. Брат с неудовольствием заметил, что он смотрит на все, как на какое-то развлечение, забаву, где его привлекали новизна и необычность. Густав все еще не проявлял серьезности и солидности будущего хозяина, наоборот, он всю пользовался той свободой, которую позволяло ему положение волонтера. Достопримечательности города, его окрестности и развлечения, вероятно, больше интересовали его, нежели контора брата. Последний со своей обычной резкостью намекал на это и требовал большего внимания к делам. Густав признавал его правоту во всем, но регулярно делал лишь то, что ему нравилось, противопоставляя всем упрекам настойчивое утверждение, что он – пока лишь гость и должен освоиться с новыми усло-

виями.

Между ним и мисс Клиффорд установились своеобразные полувраждебные-полудоверительные отношения. По существу они были воинственно настроены друг к другу, и Джесси делала все возможное, чтобы удержать эти отношения в таком состоянии. Но это доставляло ей немало трудностей, так как противник проявлял такое повиновение и любезность, что нельзя было хоть что-либо возразить против них. Очевидно, его отнюдь не испугала та, по правде сказать, не особенно лестная оценка его характера, которую услышал от Джесси при первом же знакомстве. Напротив, он был сама внимательность с ноткой учтивости члена семьи, и Джесси с ужасом заметила, что по-настоящему началось развитие сватовства, которого она решила во что бы то ни стало избежать.

Прошла почти неделя со времени приезда Густава на виллу Клиффордов. Было еще утро, только что покончили с завтраком. Густав описывал Джесси какое-то приключение, случившееся с ним во время путешествия, и делал это с такой живостью и в таких блестящих красках, что Джесси, против своей воли, вся была захвачена рассказом. В отличие от нее, Франц Зандов, просматривая какие-то деловые заметки в своей записной книжке, слушал лишь вполуха и, когда брат закончил, насмешливо сказал:

– Право, можно подумать, что все путешествие ты предпринял лишь ради того, чтобы собрать материал для своих

милых статей по вопросам политики и искусства. Ландшафты, здания, жизнь народа – все ты изучил, а о деловых отношениях, которые должен был завязать, нет почти ни слова. Правда, побывал ты везде, куда я направил тебя, снабдив рекомендациями, но, по-видимому, ты занимался с нашими деловыми партнерами лишь обедами да разговорами о политике.

– Да не говорить же за едой о делах! – воскликнул Густав. – Это удовольствие доставляешь своим гостям только ты! Я думаю, ты признал бы замечательным изобретением полную отмену сна и еды. Сколько деловых часов выиграло бы от этого несчастное человечество!

Джесси с некоторым испугом взглянула на своего опекуна. Она знала, что тот слишком чувствителен к подобного рода вещам.

Густаву это тоже было известно, но тем не менее он ежедневно говорил подобное в лицо брату. Он вообще великолепно умел парировать властное и подчас оскорбительное обращение Франца, так что никогда не казалось, что именно он лично получал выговор и нагоняй. Зандов, который не был силен в словесных боях, обычно быстро скрывался от его насмешек. Так вот и теперь он встал и, захлопывая записную книжку, саркастически произнес:

– Ты, Густав, во всяком случае, не принадлежишь к категории «многострадальных», ты делаешь себе свою новую профессию очень легкой. Ах да, кстати, перед тем как ты

возвратишься в контору, я хотел бы сперва поговорить с тобой в моем кабинете. Вопрос идет о деловых связях в Нью-Йорке.

– Я сейчас приду, – заговорил Густав, однако после того, как его брат ушел из комнаты, остался сидеть и обратился к Джесси: – Мисс Клиффорд, видели ли вы когда-либо такую одержимость, какую проявляет мой брат? За завтраком он вносит деловые заметки в свою записную книжку, за обедом изучает биржевые курсы. И я убежден, что он даже во сне обдумывает сделки.

– Да, он неустанно работает, – ответила Джесси, – и требует того же от других. Не заставляйте его ждать вас, очевидно, речь идет о чем-то очень важном.

Однако Густав не обратил решительно никакого внимания на этот достаточно прозрачный намек на то, чтобы он удалился, и спокойно произнес:

– Речь идет о фирме «Дженкинс и Компания» в Нью-Йорке. Эта милая фирма буквально-таки осаждает нас письмами и телеграммами по поводу одной совместной сделки, которую она предлагает нам. Для меня обсуждение этого вопроса неспешно, а мой брат очень терпелив, раз знает, что я нахожусь в вашем обществе.

Это была правда. Франц Зандов всеми способами поощрял общение Густава с Джесси, прощая ему даже неаккуратность. Однако это замечание было принято девушкой весьма

неблагодарно, и она сочла за лучшее в ответ промолчать.

– Кроме того, я так желал бы хоть раз поговорить с вами наедине, – продолжал Густав. – Все последние дни мне не удавалось для этого найти случай.

Единственным возражением, сорвавшимся с уст Джесси, было холодное, протяжное «Да-а?» Значит, все-таки! Едва прошла неделя с момента появления здесь этого человека, как он уже осмеливается выступить со своим предложением, несмотря на ее отрицательное отношение к нему и достаточно ясно выраженное нежелание продолжать разговор. Невзирая на все это он хочет попытаться реализовать тот «деловой договор», который обещает ему ее руку богатой наследницы, и делает это с таким невозмутимым спокойствием, как будто имеет на то полное право! Джесси возмутилась.

Между тем Густав снова заговорил:

– Я хочу обратиться к вам с просьбой, выполнив которую, вы бесконечно обяжете меня!

Джесси сидела неподвижно, словно высеченная из камня, и весь ее вид не оставлял никакого сомнения в том, что она вовсе не расположена «бесконечно обязать» просителя. Она собрала всю свою энергию, чтобы с необходимой решительностью парировать предложение, которое неминуемо должно было последовать. Однако Густав, словно не обращая на это внимания, произнес с самой любезной улыбкой:

– Речь идет об одной молодой соотечественнице.

– О... соотечественнице? – повторила Джесси, до крайности

сти пораженная этим неожиданным оборотом разговора.

– Да, об одной молодой немке, с которой я познакомился во время переезда через океан. Мы путешествовали на одном и том же пароходе. Она совершенно одна ехала в Нью-Йорк к своему родственнику, пригласившего ее, сироту, пожить у него. На берегу же выяснилось, что этот ее родственник неделю тому назад скончался и бедняжка осталась одинокой, без помощи и защиты в чужой ей части света.

– И вы приняли в ней участие? – с некоторой резкостью спросила Джесси.

– Конечно! Я отвез ее в одну немецкую семью, где она на первое время нашла себе приют. Но долго оставаться там она не может; ей необходимо позаботиться о средствах к существованию. Однако девушке, едва достигшей шестнадцати лет, да к тому же не имеющей никаких рекомендаций, крайне трудно, вернее сказать, невозможно в переполненном безработными Нью-Йорке найти место воспитательницы или компаньонки. В вашем городе много легче добиться этого, в особенности, если рекомендацию даст ей такой уважаемый дом, как Клиффордов. Вот я и прошу вас оказать этой молодой девушке гостеприимство на несколько недель, пока она найдет себе место.

Джесси обычно всегда была готова по мере своих сил оказывать помощь нуждающимся, и каждая соотечественница ее матери могла заранее рассчитывать на ее содействие, но обращение к ней Густава Зандова с подобной просьбой вы-

звало в ней недоверие. По ее мнению, он вовсе не был человеком, способным бескорыстно принимать участие в ближнем. Без сомнения, этот эгоист руководствовался еще и другими мотивами, а потому она сдержанно ответила ему:

– Меня это очень поражает. Я должна принять в свой дом совершенно постороннюю особу, которая к тому же, как вы сами говорите, не имеет никаких рекомендаций?

– Я беру на себя полную ответственность за нее... какой бы вы ни потребовали, – оживленно заговорил Густав.

– Ах, вот как? – воскликнула Джесси. У нее мелькнула смутная надежда: столь страшное для нее предложение можно было бы оттянуть на неопределенное время; внезапно появился выход, которого она никак не предполагала. Поэтому она промолвила: – Кажется, вы очень хорошо знаете свою протезе и весьма интересуетесь ею?

– Совершенно верно! По отношению к сироте это – долг христианина.

– А я и не подозревала, что вы думаете столь по-христиански, мистер Зандов! – с иронией заметила Джесси.

– Значит, вы опять ошибались во мне, мисс Клиффорд, как и во многих иных случаях, – торжественно заявил Густав. – Там, где речь идет о гуманности, я мыслю и поступаю в высшей степени по-христиански.

При слове «гуманность» губы Джесси насмешливо дрогнули, но все же дело заинтересовало ее, а потому она спросила:

– Так вы, значит, желаете, чтобы я пригласила в наш дом...

– Мисс Фриду Пальм, так зовут эту девушку.

– Хорошо, я поговорю с дядей, и если он будет согласен...

– Нет, нет! Именно этого-то я и хотел бы избежать, – перебил ее Густав. – Я не желаю, чтобы брат узнал что-либо о моем участии в этом деле. Нельзя ли выдать мисс Фриду Пальм за вашу протезе, которую вам рекомендовала какая-нибудь нью-йоркская знакомая и которой именно вы оказываете приют? По вашему лицу я вижу, что подобное предложение довольно странно, но полагаюсь в данном случае на вашу благосклонность или немилость.

По лицу Джесси было действительно заметно, как сильно она поражена. Она смерила Густава долгим, испытующим взглядом:

– Конечно, это – крайне странное предложение! Вы открыто требуете, чтобы я перед своим опекуном разыграла настоящую комедию. Ради какой цели?

– Во всяком случае не ради худой, хотя до поры до времени она должна оставаться тайной!

– Вашу тайну нетрудно разгадать, – сказала Джесси насмешливо, но вместе с тем с чувством бесконечного облегчения от такого оборота дела. – Признайтесь откровенно, ваш интерес к этой барышне глубже и серьезнее, чем вы хотите это показать, и со вступлением ее в наш дом вы связываете совершенно определенные цели.

Густав, видимо, в совершенном отчаянии поник головой и со вздохом произнес:

– Сознаюсь в этом!

– И вы, конечно, имеете основания опасаться, что ваш брат враждебно отнесется к этому интересу?

– И в этом сознаюсь!

– По всей вероятности, мисс Пальм должна инкогнито войти в наш дом, чтобы попытаться завоевать симпатию дяди, пока вы не рискуете открыть ему правду?

– Мисс Клиффорд, вы удивительно прозорливы! – с чувством глубочайшего восхищения произнес Густав. – От вас невозможно ничего скрыть! Но раз вы настолько проницательны, что разгадали меня, смею ли я надеяться на вашу помощь?

Джесси приняла полный достоинства вид.

– Я никогда не снисходила до какой-либо лжи и ни теперь, ни когда-либо вообще не пошла бы на нее, если бы не...

Тут она замолкла, и лицо ее залилось легкой краской.

– Если бы не было известных планов моего брата, – закончил за нее Густав. – Вы с ним не согласны, это я заметил уже в первый день своего приезда сюда. Но именно поэтому вам нечего бояться того, что я заблуждаюсь относительно мотивов вашей помощи в этом деле. Правда, они не особенно лестны для меня, но в данном случае чрезвычайно выгодны.

– «Выгодны»! – презрительно повторила Джесси. – Со-

вершено верно! Именно это и важно для вас. Вы опасаетесь разрыва с братом, если без его согласия остановите на ком-либо свой выбор, а в нынешней ситуации, насколько я знаю, это как раз и случится, так как ваша избранница – бедная, не имеющая никакого состояния сирота. Конечно, для вас предпочтительнее попытаться добиться своей цели окольными путями. Конечно, было бы мужественнее открыто выступить перед братом и, невзирая ни на какую «выгоду», признаться в своей любви к бедной сироте. Но на сей счет у нас совершенно различные точки зрения. Известите мисс Пальм, что я жду ее, она может выехать из Нью-Йорка сразу же после получения вашего письма.

– Да это вовсе и не нужно, – спокойно заявил Густав, – я уже написал ей, она едет и прибудет сюда сегодня после полудня с курьерским поездом.

Для Джесси это было уже чересчур. Она с ног до головы оглядела смельчака и воскликнула:

– Так, значит, это было решено заранее? Однако вы слишком самоуверенны, мистер Зандов!

– Я рассчитывал на ваше доброе сердце, – возразил он с низким поклоном.

– Нет, скорее вы рассчитывали на тот план своего брата, который делает меня, почти вопреки моей воле, вашей соучастницей. Ну, хорошо, пусть так и будет! Я сделаю все возможное, чтобы сохранить для вас все выгоды вашего договора с братом. Как только ваша невеста приедет, проводите

ее ко мне, до поры до времени она здесь, в доме, будет под моей защитой!

Холодно кивнув ему головой, Джесси поднялась и вышла из комнаты.

Зандов поглядел ей вслед.

– В каждой частице ее существа презрение! Действительно, во всей этой истории я играю довольно жалкую роль, но ничего, главное – чтобы Фрида укрепилась в этом доме!

Глава V

Войдя в свою комнату, Джесси в сильном волнении начала шагать по ней взад и вперед. В сущности, она была очень рада: неожиданный соискатель ее руки обезвредил себя таким способом, что сам предложил свою помощь для того, чтобы помешать исполниться ненавистному ей брачному плану, однако это не остудило ее горячего возмущения эгоизмом и алчностью этого человека, проявившимися опять во всей своей низости. Значит, он любит и, по-видимому, искренне! Как раз в то время, когда он был на пути к богатой, нелюбимой невесте, заботливо приготовленной ему братом, молодой и покинутой беспомощной девушке удалось вызвать в нем настоящее глубокое чувство. Но что же тогда мешает ему открыто ввести свою избранницу в дом и, если действительно его брат Франц выразит резкое несогласие на этот брак, вместе с невестой снова вернуться в Германию? Ведь он может там вернуть себе прежнее независимое положение и жениться на ней без чьего-либо согласия! Правда, в таком случае он рискует состоянием, наследством, а его он во что бы то ни стало хочет сохранить за собой. Ради этого-то его невеста должна довольствоваться ролью незнакомки, ради этого изобретены уловки и инсценируется настоящая интрига, чтобы только вынудить согласие богатого братца! А если, несмотря на все, Франц Зандов скажет свое суровое «нет»?

(Джесси знала, что ее опекун, ценивший людей только по их состоянию, никогда не встретит благосклонно бедную свояченицу), то смелый защитник идеализма, без сомнения, отдаст предпочтение наследству и бросит свою невесту так же, как расстался со своей литературной профессией.

Прямой, открытый характер Джесси протестовал против навязанной ей комедии, но все же она сознавала, что по мере своих сил должна способствовать этому браку Густава. Она во что бы то ни стало хотела избежать серьезной борьбы с опекуном и, соглашаясь на то, что предложил ей Густав, прибегла к своего рода самообороне. Ведь если действительно удастся таким образом переиграть Франца Зандова, ее лично буря может обойти стороной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.